

В. Н. ИГНАТЕНКО

Со мной и без меня

<Фрагменты>

Летом 1990-го мне вдруг позвонили из Крыма и нарушили, как говорится, покой. Анатолий Сергеевич Черняев, помощник президента СССР, попросил приехать к Горбачеву в Форос, где на госдаче «Заря» Михаил Сергеевич отдыхал с семьей. Каждый на моем месте почувствовал бы в этом звонке ожидание чего-то серьезного, поэтому я, не мешкая, собрался и полетел в Симферополь... Два года горбачевской перестройке я провел в Аппарате ЦК. Служил новому курсу не только по должности. Перестройка стала как бы и моим делом. Что и доказывал демократическим направлением еженедельника «Новое время». Пока недолго был век перестройки, а сколько перемен. Загибал пальцы. Свобода слова, свобода информации, реальная гласность... Это один политический спектр. А другой — осуждение сталинского режима, реабилитация миллионов репрессированных, отрицание революций как фактора развития общества... Третье — благотворное начало подлинных, то есть альтернативных выборов. И еще, может быть, главнейшее проявление демократии, переход к рыночной экономике, сбрасывание плановых догм, разрушение монополизма госсобственности. Много всего роилось в голове. Объединял для себя одним понятием — это шаги человечности. Это Горбачев. Человек, поднявшийся от помощника комбайнера до философа за Кремлевской стеной. Нет, не за стеной. От понимания нужд народа его ничто не отделяет. Понятен ли он мне? Да! Больше других.

Едва самолет приземлился, как я сразу попал в жесткое русло заботы и внимания: меня прямо у трапа встретили молчаливые мужчины, провели к стоявшей неподалеку автомашине, и мы без проволочек покинули аэропорт.

Госдача «Заря», которую называли горбачевской, находилась на южном побережье полуострова, в нескольких километрах

от поселка Форос — в окружении лесов и гор, на скальном уступе у подножия чистейшего моря. Домчали туда быстро.

Дача была обнесена внушительным забором, правда, никаких постов охраны я не увидел. Меня высадили из машины не у главных ворот, а у неприметной калитки, через которую тоже можно было пройти «прямо на объект». Молчаливые мужчины мне сказали лаконично: «Вы здесь подождите, с вами в ближайшее время встретится Михаил Сергеевич».

Ждал действительно недолго. До сих пор помню минуту, когда калиточка открылась. Я не сделал и двух-трех шагов по дорожке, как увидел, что совершенно рядом стоят Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна. Они приветливо улыбались, о чем-то спрашивали... Так около калитки встречают на юге желанных гостей. Я был настолько, признаться, удивлен и растроган, что, кроме каких-то слов ответного приветствия, ничего не произнес. Впервые увидел Генерального секретаря партии, руководителя государства не в строгом костюме, а в легкой спортивной рубашке. И на Раисе Максимовне было надето что-то красивое и южное. Они выглядели молодыми, счастливыми, отдохнувшими, понимающими друг друга с полуслова.

Пригласили прямо в свою резиденцию. Поднялись на какой-то этаж в гостиную залу. Я, хотя старался больше следить за собой, обостренно воспринимал и происходящее вокруг. Поэтому запомнил все в деталях и подробностях.

Михаил Сергеевич спросил: «Ты ужинал сегодня?» Ответил «Да». Он: «А я знаю, что не ужинал, давай садись». И усадил за обеденный стол. Раиса Максимовна, извинившись, на несколько минут оставила нас. Потом появилась, принесла какую-то немудреную снедь. Должно быть, сама приготовила. Стала разливать чай. Никто за нами не ухаживал. Показалось, что во всем особняке никого не было. Я уже немного освоился с обстановкой, отвечал на мимолетные житейские вопросы любезных хозяев... Все думал, зачем же президент вызвал меня из Москвы. Михаил Сергеевич, должно быть, заметил мою отрешенность, назвал меня по имени: — Виталий, давай поговорим об одной кадровой истории.

Раиса Максимовна собрала на поднос пустые чашки и ушла с ними из гостиной.

— Я предлагаю тебе, Виталий Никитич, стать моим помощником, возглавить пресс-службу, — негромко произнес Горбачев. — Подумай...

Михаил Сергеевич сидел напротив. Он не стал приводить никаких мотивировок, просто выжидательно смотрел на меня. А потом еще раз произнес:

— Подумай... О согласии.

Подумать было о чем. Я переживал что-то похожее на шок. Перспектива возможного перемещения во властные структуры была слишком неожиданной и на первый взгляд неприемлемой. Я же восемь лет проработал на Старой площади. Под конец этого срока достойно уйти с партработы мечтал, как о подарке судьбы. Ушел, теперь снова — прощай, журналистика!

Должно быть нерешительность, растерянность явственно читались на моем лице. Горбачев прервал наше общее молчание: — Ты мне нужен, Виталий.

Он больше ничего не добавил, да и не потребовалось. Высказанный аргумент был настолько личным, доверительным, что исчерпывал какие-либо другие доводы, может быть, государственного характера.

Открытость Горбачева, одна его фраза решила все. Я дал согласие. Уже в Москве я многократно возвращался к необыкновенной беседе на форосской даче президента. И до сих пор горжусь, что получил столь высокое предложение. Горбачев в ту пору обладал для меня не только человеческим обаянием, в нем воплощались надежды на перемены всей социально-политической обстановки в стране к лучшему...

К середине августа 1991-го был готов Союзный договор¹. Все мы были просто счастливы, что удалось его сверстать. Михаил Сергеевич всем из своей ближней команды дал отпуск, правда, лишь недели на полторы. Все разъехались кто куда. Я направил стопы, конечно, в Сочи захватить кусочек бархатного сезона у Черного моря. Прошло всего два дня отпуска, как девятнадцатого числа рано утром меня разбудил примчавшийся с соседней улицы сочинский товарищ: «Включай скорее телевизор, посмотри, что в Москве творится». Еще неверной от сна рукой включаю телевизор и ничего не могу понять. После танца балетных лебедей диктор, очевидно, в который раз объявляет, что в стране на 6 месяцев вводится чрезвычайное положение, местная власть переподчиняется военным комендантам, в средствах массовой информации вводится цензура. Все это говорится от имени какого-то ГКЧП. Далее сообщается, что в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Михаилом Сергеевичем Горбачевым обязанностей президента СССР вице-президент СССР Янаев приступил к временному исполнению обязанностей президента.

Что это — государственный переворот? Наглая лож насчет болезни Горбачева. Всего несколько дней назад он не жаловался даже на легкое недомогание. Что произошло? Хорошо, что вскоре позвонил возглавлявший «Московские новости» Егор Яковлев, мы дружили с ним. Он мне немного рассказал, что произошло.

Я кинулся в санаторий «Сочи», это место после администрации города, где имелось ВЧ, правительственная, закрытая связь. Связываюсь со спецммутатором. Конечно, там знают мой голос, много раз слышали. Попросил, чтобы меня соединили с Михаилом Сергеевичем. Оказывается, с ним нет связи. «Тогда с Черняевым». Тоже нет связи. «С Шахназаровым» — нет связи. «С Яковлевым» — нет связи. Попросил Примакова, знал, что он где-то там, в Крыму, — нет связи... Долетел до Москвы и помчался домой. Внизу в подъезде дежурная мне сообщила: «Приходили какие-то люди, спрашивали, где вы, что вы...» Я не стал дома задерживаться. Позвонил Саше Пумпянскому, главному редактору «Нового времени», он сказал: «Приезжай в журнал, мы все здесь».

Потом мы поехали к Аркадию Ивановичу Вольскому, народному депутату СССР, президенту Союза промышленников и предпринимателей, провели свою антипутчистскую пресс-конференцию. Вольский, в частности, сказал: «Заявление об имеющейся якобы болезни М. С. Горбачева и его недееспособности является вымыслом». Мы были уверены, что с Михаилом Сергеевичем ничего плохого не случилось.

На информационные ленты агентств легло сообщение: «На пресс-конференции 21 августа политики, отказавшиеся поддержать ГКЧП, призвали ЦК КПСС осудить переворот и призвали членов Совета безопасности взять на себя ответственность за действия, направленные на преодоление кризиса и установление законной власти». Путч, как известно, провалился. На следующий день после возвращения в Москву М. С. Горбачева из Фороса мы — весь аппарат президента — с утра пораньше заспешили в Кремль... Вскоре пригласил М. С. Горбачев. Мы обнялись...

После Фороса всего четыре месяца отделяло Горбачева от отставки с поста Президента Союза ССР и целых четверть века от дней, когда пишутся эти строки... Самоуверенные блогеры и прочая «бука из фейсбука» первоначальную вину за развал Союза и последовавшие за ним всевозможные кризисы ничтоже сумняшеся навешивали на М. С. Горбачева. Да и иные современные политики попенять Михаилу Сергеевичу были горазды.

Для того, чтобы быть уверенным в чем-то, надо знать об этом все или ничего.

Особенно меня угнетало, что мои коллеги, в биографиях которых М. С. Горбачев занимал не последнее место, высокомерно судили об этом великом человеке, а ведь он так много сделал для их профессионального роста и успеха.

Грустно это.

Несмотря на то что политическая клоунада (некоторые телешоу чего стоят!) порою вытесняет серьезный анализ или честную полемику, все-таки от выводов истории не уйдешь: М. С. Горбачев выдающийся человек и политик, оставивший в мировом развитии свой след. М. С. Горбачев навсегда войдет в историю тем что: первое — он ввел в стране демократию, и второе — он от нее не отказался до последней минуты своей легитимности.

Горбачев не виноват в том:

что народы Прибалтийских республик захотели обрести независимость;

что армяне Нагорного Карабаха решили присоединиться к Армении, а азербайджанцы этому воспротивились;

что абхазы не захотели оставаться в подчинении Тбилиси;

что таджикские фундаменталисты развязала гражданскую войну;

что народы Восточной Европы свергли коммунистические режимы;

что немцы решили воссоединиться;

что 52 процента жителей России, воспользовавшись своим избирательным правом, проголосовали за Ельцина на президентских выборах;

что Верховный Совет России принял Декларацию независимости и тем самым поощрил сепаратизм в других союзных, а также автономных республиках;

что президент России издал указ о верховенстве российских законов над союзными;

что группа высших сановников СССР попыталась ввести чрезвычайное положение и сорвала подписание Союзного договора;

что Ельцин, Кравчук и Шушкевич заключили Беловежское соглашение;

что Верховные Советы 9 республик признали это решение и ратифицировали договор о создании СНГ;

что правительство России с благословения парламентского большинства начало проводить экономическую реформу по методу «шоковой терапии».

Можно вписать в эту ретроспективу практически все другие события 1991 года.

